

Годъ изданія девятый.

ФЕВРАЛЬ.

№ 7.

1916.

XVI 45
— 10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СНѢГЪ СОШЕЛЪ.. (стих.).
ИЗЪ-ЗА РОЗЫ.
СОВѢТЬ (стих.).
МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА (повѣсть).
ВЕСНА ИДЕТЬ..
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Молочница съ осликомъ—для склеиванія.
Бимъ-Бомъ (игра).

BOULEVARD DE LA GAZETTE

PARIS

1875

100 RUE DE LA HARPE

PARIS

FRANCE

1875

100 RUE DE LA HARPE

PARIS

FRANCE

1875

100 RUE DE LA HARPE

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Всѣ отпечатанные №№ 1, 2 и 3 журнала „Золотое Дѣтство“ **БЫСТРО**
РАЗОШЛИСЬ, такъ что пришлось печатать ихъ **ВТОРИЧНО**.

Этимъ объясняется, почему Редакція нѣсколько запоздала высылкой
ихъ новымъ подписчикамъ, подписная плата отъ которыхъ получена послѣ
5-го Декабря.

Съ выздоравливающимъ братишкой.

СНѢГЪ СОШЕЛЪ!..

Снѣгъ сошелъ, просохли ужъ до- рожки,	Ужъ не дуетъ буйный вѣтеръ рѣзко,
Голубѣе стали небеса, На берегахъ ужъ висятъ сережки, Раздаются птичьи голоса.	Всюду видишь Божью благодать, Ужъ весна... Цвѣтетъ ужъ пере- лѣска, Зеленѣетъ „мачеха-и-мать“.
—	—
Листъ сопрѣлъ, ужъ ломкимъ сталъ валежникъ, Пахнетъ въ роцѣ смолкой и гриб- комъ, Кое-гдѣ цвѣтетъ еще подснѣж- никъ И глядитъ голубенькимъ глазкомъ.	Въ вышинѣ ужъ журавли кричали.. Это къ намъ... Летите въ добрый часъ!.. О, весна, какъ всѣ тебя мы ждали И какъ рады мы тебѣ сейчасъ! Кузнечикъ.

ИЗЪ-ЗА РОЗЫ.

Разсказъ бабушки.

— Бабушка, милая, разскажи намъ что-нибудь! часто мы при-ставали къ нашей бабушкѣ, и она всегда что-нибудь намъ разсказы-вала. Не отказывала никогда.

— О чемъ-же вамъ, дѣтки, раз-сказать? спросила она насъ и на этотъ разъ.

— Про розу, бабушка, про розу! закричали мы всѣ хоромъ, хотя и знали чуть не наизусть этотъ ея разсказъ про розу. Мы всегда любили его слушать.

Бабушка сняла очки, отложила въ сторону чулокъ и собрала насъ всѣхъ, точно цыплятъ, къ себѣ поближе.

— Ну, слушайте, начала она.— Была темная-претемная ночь, когда я ѣхала по шоссе черезъ Швейцарскія горы гдѣ-то около озера Комо. Тогда я еще не была такой старухой, мнѣ было только около сорока лѣтъ. Было уже поздно и въ ущельѣ, съ высокихъ горъ, уже спустились сѣдыя

облака. Мой кучерь-итальянецъ во все горло распѣвалъ пѣсни, но мнѣ было страшно и казалось, что изъ каждой расщѣлины и изъ за каждаго камня на меня вотъ-вотъ бросятся разбойники и ограбятъ меня. Минуты казались мнѣ часами, и я то и дѣло поторапливала кучера.

— „Скорѣ! Скорѣ!“ говорила я.

А онъ только подсмѣивался надо мной, распѣвалъ и какъ будто нарочно везъ меня не такъ скоро, какъ мнѣ-бы хотѣлось.

Какъ вдругъ вдалькѣ, впереди, мы увидали огоньки. Кто-то шелъ съ фонарями въ рукахъ и прямо на насъ. Сердце у меня замерло. Послышались голоса, крики, потомъ все какъ-то сразу стихло, фонари погасли — и все успокоилось.

— „Что это? спросила я итальянца. — Что это за огоньки?“

— „Не знаю, синьора!“ отвѣтилъ онъ чистосердечно и, повидимому, и самъ заинтересовался тѣмъ, что произошло. Должно быть, кого-нибудь разыскиваютъ... Кто-нибудь заблудился.

Онъ хлестнулъ по лошадямъ и мы помчались. Не проѣхали мы и полуверсты, какъ сбоку шоссе, въ канавѣ, вдругъ послышался дѣтскій плачь. Я вздрогнула. Мнѣ показалось, что это мяукала кошка или кричалъ какой-нибудь горный звѣрекъ. Плачь раздавался все сильнѣе.

— „Остановитесь!“ приказала я кучеру.

Онъ остановилъ лошадей, прыгнулъ съ козелъ и подошелъ къ канавѣ.

— „Синьора! вдругъ воскликнулъ онъ. — Это ребенокъ. Его кто-то бросилъ здѣсь, надѣясь, что его кто-нибудь подберетъ! О, эти жестокія матери! Онѣ бросаютъ своихъ дѣтей, какъ щенятъ! Но посмотрите, синьора, какой очаровательный ребенокъ!“

И все еще болтая, онъ поднесъ ко мнѣ ребенка: это была маленькая дѣвочка лѣтъ около двухъ, одѣтая очень нарядно и вся промокшая въ водѣ, бѣжавшей по канавѣ. Правая ручка у нея была въ крови. Очевидно, падая въ канаву, она ушибла ее объ острый камень.

Я взяла ее на руки и оглядѣла ее со всѣхъ сторонъ. Дѣвочка плакала и утирала глазки кулачками.

— Ты чья? спросила я ее по французски.

Но дѣвочка не поняла и продолжала плакать.

— „Какъ тебя зовутъ? спросилъ ее кучерь по итальянски.

Какъ вдругъ она протянула ко мнѣ свою раненую ручку и неожиданно сказала по-русски: — „Леночка бо-бо! У Леночки пальчикъ бо-бо!“

Я встrepенулась. Какъ могла оказаться здѣсь русская дѣвочка,

да еще лежать ночью въ канавѣ? Не было-ли это чудомъ? И я схватила ее и стала ее спрашивать, но она только плакала и показывала на правую ручку. Такъ я и не добилась отъ нея, кто она и какъ сюда попала.

„Это мнѣ посылаетъ ее самъ Богъ! подумала я. — Я одинока, дѣтей у меня нѣтъ, дочь уже замужемъ... Возьму-ка я ее къ себѣ на воспитаніе и увезу ее къ себѣ въ Россію!“

Я положила дѣвочку къ себѣ на колѣни и укрыла ее шалью. Пригрѣвшись, дѣвочка замолчала и скоро крѣпко заснула. А коляска наша все катилась да катилась впередъ. Мы проѣхали еще верстъ съ пятнадцать, остановились на ночлегъ у какого-то швейцарца и на утро поѣхали далѣе.

Несмотря на свои два года, дѣвочка еще мало говорила, хотя и понимала уже почти все. И только на другой день, когда нашъ экипажъ подѣхалъ уже къ Милану, и я снова спросила ее, не хочетъ-ли она чего-нибудь, она отвѣтила:—

— „Леночка нямъ-нямъ хочетъ!“

Полгода спустя, обѣ мы уже были въ Россіи, Леночка осталась со мной совсѣмъ и мало-по-малу стала подрастать. Она преуспѣвала, училась, называла меня мамой и совершенно не знала о своемъ происхожденіи. Ея исторію я отъ нея скрывала, а сама она,

когда ее нашли тогда въ горахъ, была еще слишкомъ мала, чтобы помнить о томъ, что съ нею тогда случилось. Такъ время шло и шло и когда Леночкѣ исполнилось девять лѣтъ, то она выровнялась въ высокую, выросшую не по годамъ дѣвочку, худенькую и блѣдную. Я заботилась о ней, какъ могла, берегла ее, какъ родную дочь, и меня очень беспокоили ея блѣдность и худьба.

Посоветовалась я съ докторомъ.

— „Повезите-ка вы ее въ провинцію, на просторъ“, сказалъ докторъ.— „Пусть она тамъ побѣгаетъ по травкѣ, да поищетъ въ лѣсу грибовъ! И не замѣтите, какъ она поправится!“

Подумала я, подумала, и рѣшила поѣхать куда-нибудь подальше на дачу. По газетнымъ объявленіямъ я нашла дачу въ южной Россіи у глубокой, полноводной рѣки, на краю маленькаго, захолустнаго городка, гдѣ все было дешево и всего было вдоволь, и переселилась туда вмѣстѣ съ Леночкой.

Не прошло и мѣсяца, какъ она стала быстро поправляться. Цѣлые дни она стала проводить на воздухѣ, все кругомъ наполняло ей жизнь—и лѣса, и луга, и купанье въ рѣкѣ, но чего именно тамъ не хватало—это розъ. Она чувствовала какую-то необыкновенную слабость къ розамъ и при видѣ ихъ даже вся дрожала. Въ

ея палисадникѣ цвѣли левкой, анютины глазки и всевозможные малороссійскіе цвѣты, но всѣ они блѣднѣли въ ея глазахъ передъ самой простенькой, обыкновенной розой и она была готова пожертвовать всѣмъ, чтобы только лишній разъ увидѣть ее и понюхать.

Недалеко отъ нашей дачи возвышалась красивая, богатая усадьба какого-то помѣщика Войницкаго. Ворота ея были всегда закрыты на ключъ, и казалось, что въ ней не жилъ никто. Но сквозь рѣзную желѣзную рѣшотку ограды виднѣлся садъ и въ немъ цвѣли пышныя розы, такія пышныя и красивыя, какихъ на сто верстъ кругомъ не было ни у кого. Ихъ выращивалъ и ухаживалъ за ними самъ хозяинъ и съ ранняго утра и до поздняго вечера его можно было видѣть подъ палящими лучами солнца стоявшимъ на колѣнкахъ у кустовъ, гдѣ онъ подвязывалъ или подрѣзывалъ на нихъ вѣтки, или же окапывалъ подъ ними землю. Казалось, что вся жизнь его заключалась именно въ этихъ розахъ и онѣ наполняли его одинокое существованіе и давали смыслъ его прозябанію на землѣ. Онъ былъ вдовъ и не имѣлъ дѣтей.

Проходя мимо этой усадьбы, Леночка всякій разъ останавливалась у ея желѣзной рѣшотки и изумленными глазами смотрѣла на розы. Войницкій обыкновенно

стоялъ на колѣняхъ къ ней спиной и что-то тамъ дѣлалъ съ кустами и весь былъ занятъ своей работой. Около него всегда стоялъ какой-то мужичокъ, должно быть, садовникъ или дворникъ. Онъ помогалъ своему хозяину, подавая ему то одно, то другое, и оба они всегда молчали. Оба были мрачнаго характера.

Наглядѣвшись на розы, Леночка возвращалась домой, всплескивала руками и всякій разъ повторяла:

— „Что, если бы мнѣ хоть одну такую розу! Только одну розу — и больше мнѣ не нужно никакихъ цвѣтовъ!“

Настало 11-е Юля, день моего ангела. Леночка задумала мнѣ что-то подарить. Она встала чуть свѣтъ, взяла корзиночку и тихонько отправилась въ поле. Какъ я послѣ узнала изъ ея же разсказа, она рѣшила набрать огромный букетъ васильковъ, до которыхъ я была большая охотница, и преподнести его мнѣ. Только проходя мимо усадьбы Войницкаго, она заинтересовалась его розами и остановилась у рѣшотки. Калитка противъ обыкновенннй была отворена, — вѣроятно, изъ нея только что кто-нибудь вышелъ и оставилъ ее за собой незапертой.

— „Что, если я войду туда и сорву хоть одну розу?“ подумала моя Леночка.

И въ ея воображеніи вдругъ

представился букетъ изъ васильковъ съ розой посрединѣ, который она поставитъ около моего изголовья, пока еще я буду утромъ спать.

Искушеніе было слишкомъ велико. Бѣдняжка рассказывала мнѣ послѣ объ этомъ со слезами на глазахъ. Неужели, думала она, сорвать одинъ только цвѣтокъ будетъ уже преступленіемъ? Вѣдь Богъ создалъ цвѣты на радость всѣмъ! И неужели этотъ угрюмый хозяинъ усадьбы будетъ обижаться, если она войдетъ и сорветъ одну только розу, и то не для себя, а для своей приемной матери!

И она оглядѣлась по сторонамъ. Не было видно никого. Всѣ въ усадьбѣ еще спали. А розъ было такъ много и такъ всѣ онѣ были хороши!

Позабывъ все на свѣтѣ, моя Леночка, какъ мышка, проскользнула въ полуотворенную калитку и на цыпочкахъ, боясь и дрожа всѣмъ тѣломъ, направилась къ кустамъ. Песокъ чуть слышно хрустѣлъ у нея подъ ногами.

— „Одну только розу... шептала она.—Только одну и больше не надо!“

Она бросила пытливый взглядъ на домъ. Занавѣски на его окнахъ были спущены... Глупенькая! Дрожавшей рукой и не чувствуя даже, какъ шипы вонзились ей въ пальцы, она выбрала самую большую,

только что распустившуюся розу и сорвала ее...

Какъ вдругъ чей-то голосъ раздался за ее спиною:

— „Ты что здѣсь дѣлаешь“?

У нея отъ страха похолодѣло подъ сердцемъ. Румянецъ стыда бросился ей въ лицо. Она, какъ была, такъ и осталась стоять на мѣстѣ.

— „Какъ ты сюда попала?! снова раздался голосъ.— Вотъ я тебя научу сейчасъ, какъ воровать цвѣты!“

Бѣдняжка въ ужасѣ закрыла глаза. „Воровать“!.. Какое ужасное слово! При этомъ обвиненіи она густо покраснѣла, но тутъ-же природная гордость сразу-же заговорила въ ней, и она овладѣла собой. Она открыла глаза. Передъ ней стоялъ самъ Войницкій.

— „Я никогда ничего не воровала! отвѣтила она и слезы обиды брызнули у нея изъ глазъ.“

— „А эту розу? спросилъ онъ.— Ты вѣдь хотѣла ихъ нарвать себѣ цѣлую корзину!“

Она смутилась, опустила глаза, а потомъ подняла ихъ на хозяина и смѣло и искренно ему отвѣтила:—

— „Простите меня... Я хотѣла подарить эту розу моей мамѣ... Она сегодня именинница... Я не знала, что эта роза такъ для васъ дорога.“

Онъ посмотрѣлъ на Леночку такъ пристально, что ей даже сдѣлалось неловко. Она кого-то

ему напомнила. Онъ даже радостно улыбнулся, но тотчасъ-же опять сдѣлалъ строгое лицо и рѣзко сказалъ:—

— „Ай-ай-ай, какъ не хорошо брать чужое даже для подарка!

Она смутилась и отпустила голову, а онъ все смотрѣлъ на нее и оглядывалъ ее съ такимъ любопытствомъ, точно былъ доволенъ, что она къ нему пришла.

— „Кто твоя мать? спросилъ онъ.—Гдѣ ты живешь?

— „Мы пріѣхали сюда изъ Москвы... отвѣтила Леночка. — Мы наняли здѣсь дачу и живемъ недалеко отъ васъ...

— „Какъ тебя зовутъ?

— „Лена...

И при этомъ мою дѣвочку удивило то, что онъ глубоко вздохнулъ и тихонько проговорилъ, точно про себя:— „Мою дочь тоже звали Леной...“

— „Гдѣ же именно ты живешь? спросилъ онъ опять суровымъ тономъ.

— „Здѣсь, не далеко, отвѣчала Леночка. — На хуторѣ у Никиты Хоменко.

Онъ подошелъ къ ней поближе, взялъ ее за подбородокъ, долго смотрѣлъ ей въ самые глаза, но она приняла это за строгость и не поняла того, что какія-то особыя воспоминанія наполнили его сердце.

— „Дай сюда эту розу назадъ! сказалъ онъ наконецъ. — Этотъ

кустъ, съ котораго ты ее сорвала, посаженъ моею покойной женой. Она любила и цѣнила розы такъ, какъ никто на свѣтѣ, и своими руками ухаживала за ними. Но это было еще девять лѣтъ тому назадъ!..

Леночка протянула къ нему запретный цвѣтокъ и, опустивъ головку, виновато направилась къ калиткѣ и побрела къ себѣ домой. Такъ въ эти именины я и не получила отъ нея никакого подарка. За то, часъ спустя послѣ ея прихода, къ намъ вдругъ неожиданно кто-то постучался въ дверь. Мы всѣ вздрогнули.

— „Войдите! сказала я.

Къ намъ вошелъ какой-то мужичокъ съ огромнымъ букетомъ великолѣпнѣйшихъ розъ и протянулъ его ко мнѣ.

— „Господинъ Войницкій, сказалъ онъ, — велѣлъ кланяться госпожѣ именинницѣ и передать ей этотъ букетъ отъ Леночки.

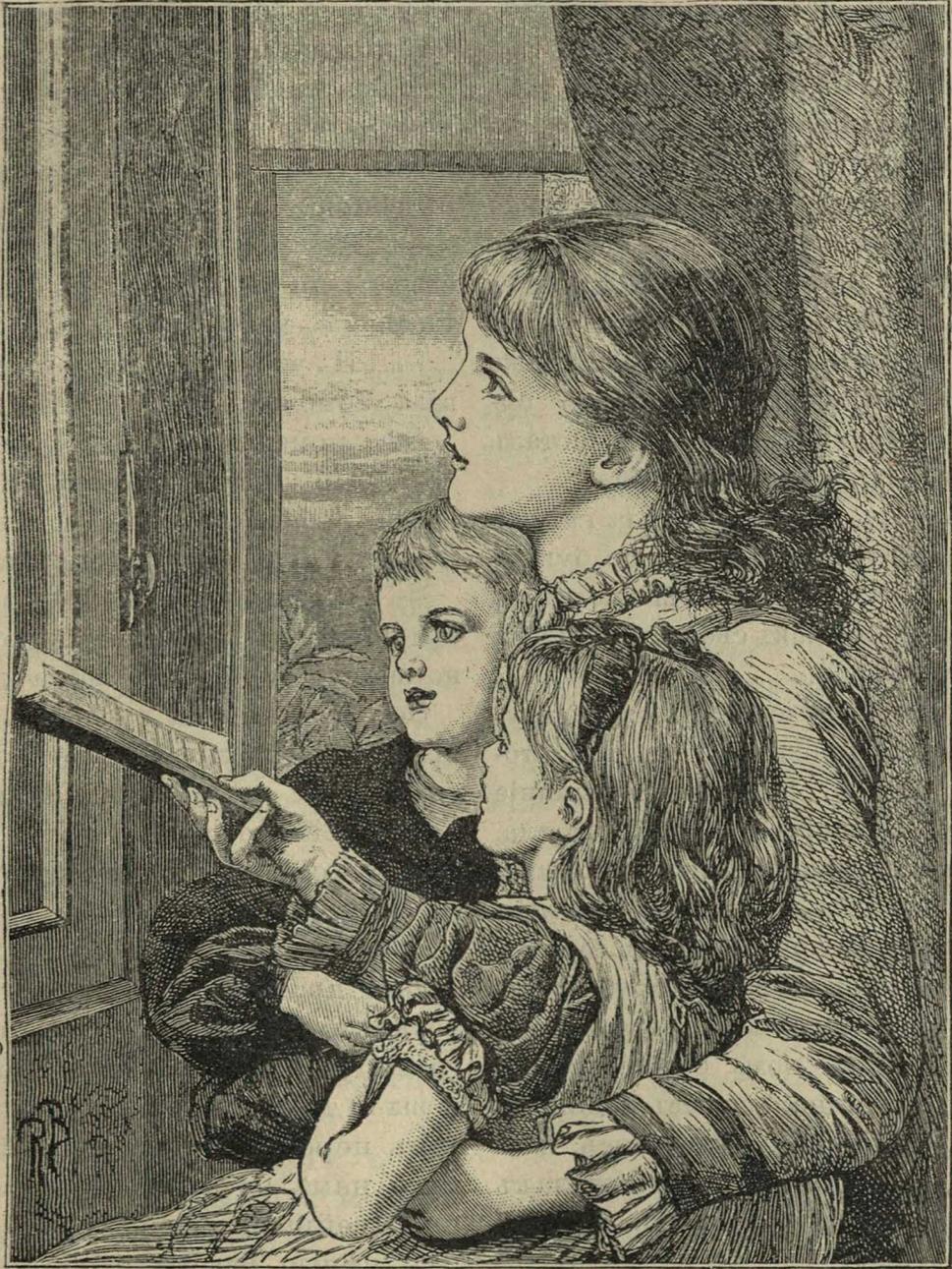
— „Отъ кого? переспросила я.

— „Отъ Леночки. Онъ такъ и приказалъ сказать, что отъ Леночки!

Я съ недоумѣніемъ приняла отъ него букетъ, онъ простился и ушелъ, и тутъ только моя Леночка робко и вмѣстѣ съ тѣмъ радостно подошла ко мнѣ и рассказала мнѣ все. Какая-же мать не проститъ своей дочери грѣхъ, если въ основѣ его лежитъ расположеніе и желаніе сдѣлать для матери пріятное!

Въ дождь.

Наизусть.

Я выслушала ее и обѣ мы еще долго сидѣли около букета, разглядывали его со всѣхъ сторонъ, и Леночка никакъ не могла наглядѣться на розы. На другой день она побѣжала къ Войницкому поблагодарить его отъ моего имени за подарокъ и возвратилась такая радостная, точно побывала на седьмомъ небѣ. Войницкій на этотъ разъ пригласилъ ее себѣ и былъ съ нею такъ ласковъ, что она даже и не узнала въ немъ того суроваго челоуѣка, который засталъ ее на мѣстѣ преступленія.

Съ тѣхъ поръ она стала каждое утро получать отъ него по букету розъ и каждый день бѣгала у него по саду уже какъ своя или близкая знакомая.

Однажды вечеромъ, когда наступила уже прохлада и съ той стороны рѣки донеслось мычаніе возвращавшагося домой стада, когда закричали внизу лягушки, и съ далекихъ полей имъ отвѣтили перепела, Леночка была въ гостяхъ у Войницкаго. Она шла по дорожкѣ сада и вдругъ увидѣла его самого. Онъ сидѣлъ подъ большимъ кустомъ жасмина, закрывъ ладонями лицо, и, какъ ей показалось, плакалъ. Она испугалась, побѣжала къ нему и чисто по дѣтски, обняла его за шею.

— „Дядя, отчего вы такой печальный? спросила она его.

Онъ поднялъ на нее глаза и горько улыбнулся.

— „Отчего вы все одинъ, да одинъ? продолжала моя егоза.— Отчего у васъ здѣсь нѣтъ дѣтей? Съ ними такъ было-бы весело...

Какъ сообщила мнѣ потомъ Леночка, онъ привлекъ ее неожиданно къ себѣ и усадилъ ее рядомъ съ собою.

— „Когда-то и у меня была дочь, сказалъ онъ.— Она теперь была бы такая же, какъ вотъ и ты.

— „И что-же? полюбопытствовала Леночка.— Она умерла?

Онъ помедлилъ съ отвѣтомъ.

— „Не знаю... отвѣтилъ онъ наконецъ.— Можетъ быть, и жива, а можетъ быть, уже и померла...

— „То-есть какъ это, „можетъ быть“? возразила она.— Развѣ вы не знаете точно, гдѣ ваша дочь?

Онъ взялъ ее за руку и близко притянулъ ее къ себѣ. Потомъ онъ усадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— „Сейчасъ я расскажу тебѣ, какъ это случилось... началъ онъ.— Около восьми лѣтъ тому назадъ, когда моей дочуркѣ было всего только два года, я и жена отправились съ ней путешествовать за границу. Моя жена очень любила розы и то и дѣло останавливалась тамъ передъ кустами, попадавшими намъ по пути. Въ Италіи и въ Швейцаріи она покупала себѣ ихъ цѣлые букеты и обставляла ими свою комнату. Мнѣ нравилось это и я и самъ старался достать для нея самыя рѣдкія розы, самыя душистыя и красивыя. Но

вотъ, когда мы жили около озера Комо въ Швейцаріи, моя жена захотѣла вдругъ покататься. Она взяла съ собой и нашу дочь Леночку, усадила ее рядомъ съ собой въ шарабанъ, и одна, безъ кучера, поѣхала въ горы.—„Будь осторожна!“ предупредилъ я ее.—„Не ѣзди далеко!.. Кажется, лошадь пуглива!“ Но погода была великолѣпная, моя жена уѣхала далеко отъ гостиницы и когда нужно было уже возвращаться домой, то лошадь чего-то испугалась и понесла. Передъ вечеромъ, она, вся взмыленная и перепуганная, прибѣжала, къ моему ужасу, въ гостиницу съ разбитымъ шарабаномъ и при видѣ ея мы догадались, что съ моими женой и дочерью въ горахъ случилось несчастіе. Мы зажгли фонари, отправились на поиски, долго искали и далеко, въ ущельи, на шоссе, нашли мою жену. Она лежала безъ чувствъ. Когда мы привезли ее домой, и положили въ постель, то она только на минуту пришла въ себя и растерянно оглядѣлась вокругъ.—„Гдѣ Лена?“ спросила она.—„Гдѣ наша дочь?“—„Не знаю“, отвѣтилъ я.—„Мы обшарили всѣ ямы, обыскали каждую разсѣлину и все-таки ее не нашли“.—„Дай мнѣ эту розу!“ сказала она. Я подаль ей розу. Она взяла ее, приложила ее къ губамъ и скончалась.

„Я похоронилъ ее и затѣмъ еще

долго разыскивалъ мою дочь. Но все было напрасно: она исчезла безслѣдно, точно провалилась сквозь землю. Было несомнѣнно, что, когда лошадь понесла, то она вылетѣла изъ шарабана гдѣ-то далеко въ горахъ, и куда она исчезла—такъ и не могъ понять никто.

„Я возвратился въ Россію, къ себѣ вотъ въ эту самую усадьбу, одинъ, и заперся въ четырехъ стѣнахъ. Я пересталъ у всѣхъ бывать, никто не бывалъ и у меня—и ты первый человѣкъ за всѣ эти восемь лѣтъ, съ которымъ я такъ разговариваю. Жизнь моя разбита—и теперь я не нуженъ уже никому.

Онъ опять закрылъ руками лицо и такъ глубоко вздохнулъ, точно опять заплакалъ.

Леночка прибѣжала ко мнѣ отъ Войницкаго тоже вся въ слезахъ, вся разстроенная, и запыхаясь стала рассказывать мнѣ все. Сердце у меня затрепетало. Въ головѣ зашумѣло. Я не вѣрила своимъ ушамъ. Руки задрожали.

— „И это было въ Италіи? спросила я ее.— На шоссе? Въ горахъ?

— „Да, отвѣтила она, не понимая, почему вдругъ мой голосъ измѣнилъ мнѣ и волненіе охватило меня всю.

— „Восемь лѣтъ тому назадъ? продолжала я взволнованнымъ голосомъ.

— „Да.

— „И ты говоришь правду? Не скрываешь отъ меня ничего?”

— „Ничего. Но что ты, мама, вдругъ стала такая?”

Я вскочила, схватила ее за руку и сказала:— Пойдемъ!

— „Куда? переспросила она.— Мама, что съ тобой?”

— „Пойдемъ!”

И я почти насильно потянула ее къ Войницкому.

Онъ попрежнему сидѣлъ на лавочкѣ у куста и попрежнему грустно смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ за рѣкою сѣло солнце. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову и увидалъ передъ собою насъ. На насъ обѣихъ не было лица.

— „Что случилось? спросилъ онъ.

Я почувствовала, какъ какой-то комъ подкатилъ мнѣ къ горлу, какъ я готова была расплакаться, но я сдержала себя и, взявъ Леночку за руку, подвела ее къ Войницкому.

— Милостивый государь, твердо сказала я,—я привела къ вамъ вашу дочь. Эту дѣвочку я нашла восемь лѣтъ тому назадъ въ Итали, въ горахъ, и вотъ воспитала ее н... и сберегла ее для васъ!

Я не могла долѣе говорить и залилась слезами. Войницкій сталъ около меня и съ страннымъ выраженіемъ глядѣлъ то на Леночку, то на меня. Но выраженіе лица Леночки, ея взглядъ, фигура и волосы не могли его обмануть и онъ понялъ, что судьба, наконецъ, сжалилась надъ нимъ и возвратила ему его дочь. И полный радости и радостныхъ надеждъ впереди, онъ схватилъ Леночку на руки и, какъ маленькій, побѣждалъ съ нею къ себѣ въ домъ...

Нужно-ли, дѣтки, рассказывать, какъ жизнь потекла потомъ? Вы навѣрное, догадываетесь и сами, что Леночка осталась у Войницкаго навсегда и что теперь она— не кто иная, какъ ваша милая, добрая тетя Лена, которая такъ любить всѣхъ васъ и такъ часто надѣляетъ васъ игрушками и сладостями!

Мы всѣ, въ свою очередь, очень любили нашу тетю-Лену и намъ было пріятно лишній разъ прослушать о ней рассказъ нашей бабушки и хотя отчасти, хотя немножко, пережить съ нею то, что когда-то пережила съ тетей Леной и она.

Гіальмаръ.

СОВѢТЪ.

Давай животнымъ больше пищи, Сказать пріятное старайся
 Люби людей, труды ихъ чти, Кому-нибудь о чемъ-нибудь,
 Держи въ опрятности жилище Почаще съ мыломъ умывайся.
 И въ день хоть что-нибудь прочти. И зубы чистить не забудь.

Гуляй во всякую погоду,
 Побольше бѣгай, не кури,
 Отнюдь не пей сырую воду
 И только правду говори.

Ку-ку.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

(Продолженіе).

Стали собирать меня въ путь. Мама безпокоилась за папу и за меня, разъ двадцать отмѣняла мою поѣздку и собиралась сама, мы наизусть выучили письмо доктора, читая его каждую минуту и стараясь вникнуть въ самый сокровенный его смыслъ, и все-таки выходило такъ, что должна была ѣхать я одна. Все необходимое было наконецъ уложено, былъ поданъ экипажъ, мы долго прощались и хотѣли было даже отмѣнить поѣздку передъ самымъ отъѣздомъ, но было неловко,—и я отправилась въ далекій путь. Всю дорогу до Ялты я ѣхала утромъ и теперь могла разглядѣть, по какимъ красивымъ мѣстамъ мы проѣзжали тогда въ первый разъ! Рядомъ со мной сидѣла Ольга, которая смотрѣла на меня обожавшими глазами, и не могла на меня наглядѣться. На душѣ у меня было нехорошо, такъ какъ я оставила маму одну, но по мѣрѣ того, какъ лошади бѣжали все впередъ и впередъ, я все болѣе и болѣе думала о томъ, что ожидало меня въ ближайшемъ будущемъ, и радовалась, что поѣду такъ далеко одна. Не прошло и получаса, какъ я уже безъ умолку трещала, какъ сорока, и рассказывала Ольгѣ о томъ, какъ мы жили въ Петроградѣ, какъ гуляли съ мамой въ Лѣсномъ паркѣ и въ Удѣльной и какъ по вечерамъ папа читалъ

намъ свои произведенія и я подъ нихъ засыпала. А передъ моими глазами безконечной лентой развертывалась роскошная панорама Южнаго берега Крыма и я не могла на нее наглядѣться.

— Ну, и что это за дитѣ! восхищалась мною Ольга. — И какъ она умѣетъ обо всемъ рассказать!

Но вотъ ужъ и Ялта. Мы подъѣзжаемъ къ берегу, беремъ билетъ и на лодкѣ отправляемся на пароходъ. Ольга долго отыскиваетъ ту неизвѣстную даму, которая тоже ѣдетъ на сѣверъ, чтобы поручить ей меня, но пароходъ неважный, грузовой, — и на немъ всего только нѣсколько пассажировъ, да и то мужчины. Я вижу, какъ, потерявъ всякую надежду, моя бѣдная Ольга подходитъ къ помощнику капитана и начинаетъ его о чемъ-то просить.

— Ужъ вы, пожалуйста, ваше высокородіе, говоритъ она. — Не оставьте! Заставьте вѣкъ Бога молить! Она у насъ одна.

А затѣмъ она подходитъ ко мнѣ и говоритъ:—

— Этотъ баринъ обѣщалъ усадить тебя въ вагонъ! Такой добрый, право!.. Не бойся, говоритъ, я все, говоритъ, сдѣлаю... Уходи съ миромъ!

Затѣмъ пароходъ загудѣлъ, Ольга простилась со мной, поплакала, и отплыла на берегъ. Я осталась на пароходѣ одна. Потомъ гудокъ прогудѣлъ во второй

и въ третій разъ, раздалась команда капитана, заработалъ шумно винтъ, и мы отправились въ путь. Ялта все уходила и уходила отъ насъ назадъ, горы становились все прозрачнѣе и голубѣе, и я еще долго видѣла, какъ на берегу одиноко стояла моя Ольга и махала мнѣ платочкомъ. Затѣмъ мы повернули за Ай-Тодоръ и все скрылось.

Какая удивительная игра судьбы! Насъ было всего только трое, наша маленькая семья состояла всего только изъ трехъ человекъ и всѣ мы были теперь разбросаны въ разные концы: папа былъ въ Петроградѣ, мама осталась на далекомъ Крымскомъ берегу, а я качалась по волнамъ Чернаго моря и, такъ сказать, находилась въ пространствѣ. Но тогда я была еще ребенкомъ, все казалось мнѣ простымъ и незамысловатымъ и я радовалась, какъ птичка, и все приводило меня въ восторгъ.

Но скоро моему восторгу долженъ былъ придти конецъ. Послѣ Ай-Тодора насъ стало качать, по морю запрыгали барашки, задулъ рѣзкій вѣтеръ и поневолѣ пришлось сойти внизъ и улечься въ койку. Я слышала, какъ волны бухали въ бока парохода, все въ немъ звенѣло и трещало и, казалось, готово было каждую минуту разлетѣться на куски. Я лежала на койкѣ и чувствовала, какъ меня подкидывало снизу вверхъ и мѣрно

раскачивало съ боку на бокъ. Это было невыносимо. Прозвонили къ завтраку, но я не вышла. Со мною сдѣлалась морская болѣзнь. Я мучилась, я страдала, у меня мучительно болѣло подъ ложечкой и мнѣ было страшно и хотѣлось, чтобы около меня были мама или Ольга, облегчили-бы мои страданія и хотя дали-бы мнѣ стаканъ воды. Я промучилась всю дорогу, волны выбивали насъ изъ пути и мы все еще болтались по нимъ, хотя давно-бы уже была пора придти въ Севастополь. Я вышла съ трудомъ на палубу и поглядѣла вокругъ себя. Море было сѣрое, бурное, меня обдавало со всѣхъ сторонъ брызгами и вдаль, сѣрой и некрасивой полосой все еще тянулись Крымскія горы.

— Гдѣ мы? спросила я у матроса.

— Проходимъ мимо Балаклавы, отвѣтилъ онъ.

— А скоро придемъ въ Севастополь?

Онъ посмотрѣлъ на небо, потомъ на море и, не торопясь, отвѣтилъ:

— Часа черезъ полтора.

Боже мой, еще ждуть цѣлые полтора часа! Хватить-ли у меня на это силъ?

Изнемогая отъ морской болѣзни, я опять сошла внизъ и легла на койку. Проходя мимо зеркала, я нечаянно въ него заглянула: я была вся зеленая и похудѣла въ какіе нибудь два-три часа.

У Балаклавы пароходъ стало качать еще больше. Я уже лежала пластомъ на койкѣ и не могла двинуть ни однимъ членомъ. Я мысленно звала къ себѣ мать и Ольгу, но, конечно, не могла даже и рассчитывать на ихъ появленіе и предоставила себя всю судьбѣ.

— Боженька, помоги мнѣ! только и могла я молиться. — Сдѣлай такъ, чтобы мама не беспокоилась обо мнѣ!

А затѣмъ я лишилась сознанія. Мое безсознательное состояніе перешло потомъ въ крѣпкій сонъ, потому что я спала такъ безпробудно, что и не слышала, какъ пароходъ пришелъ въ Севастополь и какъ цѣлый часъ простоялъ тамъ на якорѣ. Мой помощникъ-капитана, который обѣщалъ Ольгѣ усадить меня въ вагонъ, такъ за всю дорогу и не заглянулъ ко мнѣ ни одинаго раза, не пришелъ онъ ко мнѣ и въ Севастополь. А я все спала и спала, а пароходъ все стоялъ и стоялъ. Его немногіе пассажиры уже давно разгуливали себѣ по городу и по вокзалу, а меня не разбудилъ никто, и я не знала ни о чемъ. Обо мнѣ забыли.

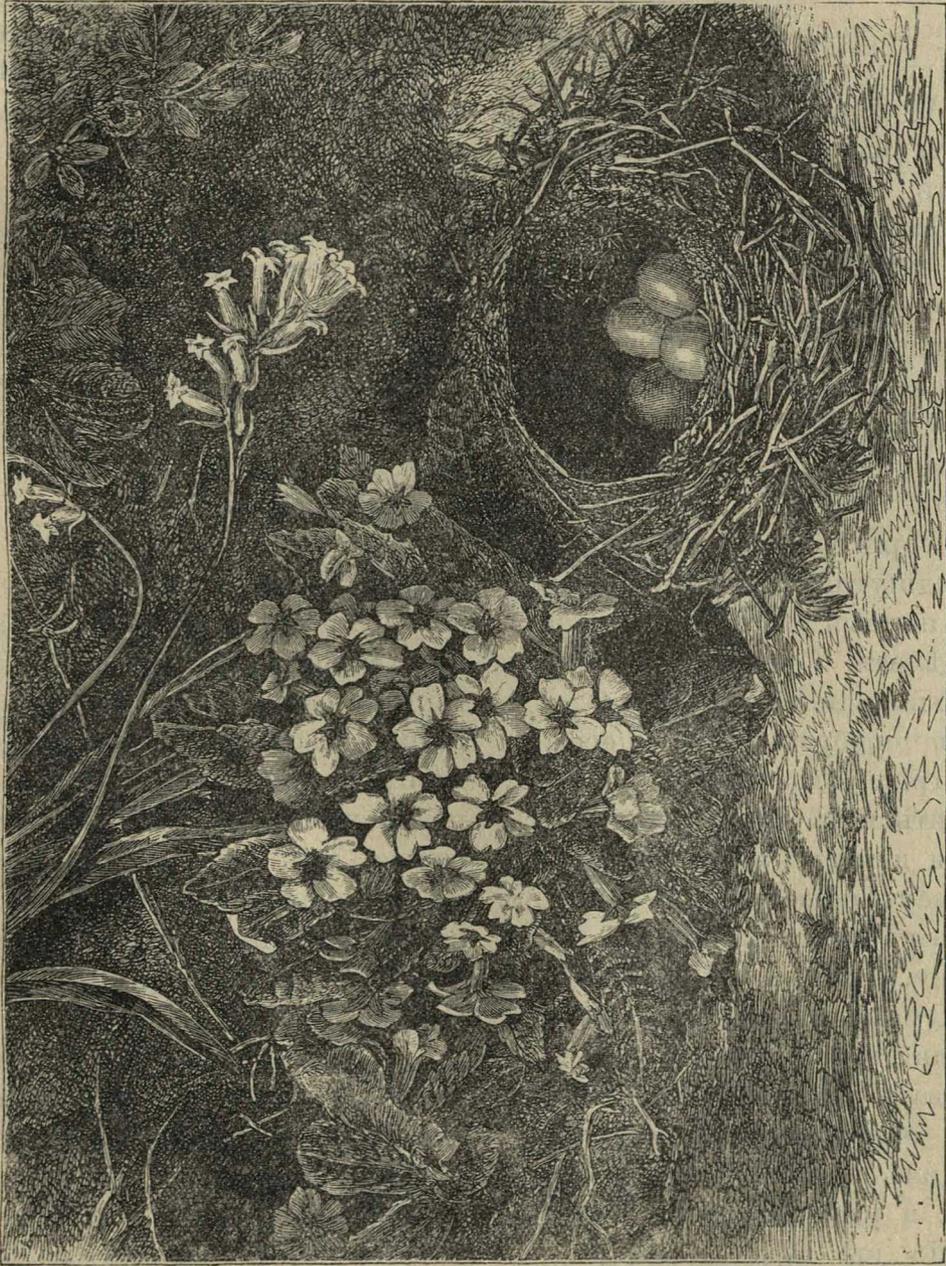
А когда я проснулась, то пароходъ все еще качался по волнамъ и было уже темно. Полная удивленія, что мы такъ долго ѣдемъ, я опять вышла на палубу.

— Скоро будетъ Севастополь? спросила я у какого-то господина.

— Севастополь? удивился онъ.—

Скворцы прилетѣли!

Гыфдышко.

Эге! Да уже часа четыре, какъ мы выѣхали изъ Севастополя! Мы плывемъ въ Одессу!

Ужась наполнилъ мое сердце. Значить, я проспала!

— А когда мы придемъ въ Одессу? едва я имѣла силъ произнести.

— Завтра утромъ или въ полдень, отвѣтилъ господинъ, — если только насъ ничто въ дорогѣ не задержитъ.

Я закрыла руками лицо и стала горько плакать.

А вокругъ меня было темно и шумѣли волны. Ахъ, какъ мнѣ было горько и обидно, что такъ зло поддутила надо мной судьба!

Въ первыя минуты я не знала, что дѣлать. Севастополь остался далеко позади, мы плыли въ Одессу, а какъ перебраться изъ Одессы въ Петроградъ, долго-ли я еще буду находиться въ пути и хватить-ли у меня денегъ, — я не знала. Видя мое неутѣшное горе, господинъ подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

— О чемъ вы такъ горько плачете, барышня? спросилъ онъ. — Не надо проливать даромъ слезки!

Его участливый тонъ сразу расположилъ меня къ нему и, глотая слезы, я рассказала ему все.

— Да вы куда ѣдете-то? спросилъ онъ.

— Въ Петербургъ, отвѣтила я. — Тамъ у меня боленъ папа... Онъ хочетъ меня видѣть.

— А гдѣ-же ваша мама?

— Она тоже больная и осталась безъ меня въ Крыму.

— А деньги-то у васъ есть?

Я нащупала на груди мѣшечекъ, въ которомъ у меня были зашиты деньги.

— Есть... отвѣтила я.

— Ну, такъ и горевать вамъ нечего! воскликнулъ господинъ. — Завтра мы придемъ въ Одессу, я усажу васъ въ вагонъ, и вы благополучно доѣдете до Петербурга на третьи сутки! Отъ Одессы даже еще скорѣе ходятъ поѣзда!

Я обрадовалась и сразу повеселѣла.

Была ночь, попрежнему качало, но я уже привыкла къ качкѣ и она меня уже не такъ беспокоила, какъ до Севастополя. Попрежнему волны окачивали брызгами весь пароходъ, такъ что я то и-дѣло пожималась отъ капель, заливавшихся мнѣ за шею, но это меня не смущало. Я слишкомъ была занята своимъ происшествіемъ, чтобы обращать на это вниманіе.

— Вы, барышня, простудитесь! предостерегалъ меня господинъ. — Сошли-бы вы внизъ! Вѣдь здѣсь вѣтрено и сыро!

— Ничего! весело отвѣчала я.

Повидимому, онъ и самъ не выносилъ качки, потому что все время стоялъ на самой срединѣ парохода и не спускался внизъ. А мнѣ было съ нимъ не такъ оди-

ноко, я уже выспалась, и все время я толкалась около него.

— А вашъ папа чѣмъ занимается? спросилъ онъ меня.

Я ему рассказала все: какъ мы жили въ Петроградѣ въ Лѣсномъ, какъ гуляли съ мамой въ паркѣ, какъ мама захворала—однимъ словомъ по дѣтской откровенности я ему выложила все. Не забыла даже сказать ему и о таинственной бабушкѣ моей мамы и о какомъ-то неизвѣстномъ для меня мальчикѣ Вячеславѣ.

— Такъ вы говорите, что ваша прабабушка очень богата? полюбопытствовалъ господинъ.

— Да, очень богата! съ увлеченіемъ отвѣтила я.— Я однажды слышала, какъ папа и мама разговаривали между собой, что у нея очень большое имѣніе, и что ей некуда дѣвать деньги.

— Почему-же ваша мама не отправилась къ ней? Вѣдь жить въ имѣніи гораздо полезнѣе, чѣмъ трепаться по разнымъ Крымамъ, да питаться кое-какъ!

— Не знаю, смутилась я.

— А кто-же это такой мальчикъ Вячеславъ?

Я еще больше смутилась.

— Не знаю... опять отвѣтила я.— Мама и папа никогда не говорятъ объ немъ при мнѣ.

— Значить, здѣсь есть какая-нибудь тайна?

Я покраснѣла и не отвѣтила ничего: о тайнѣ я подозрѣвала и сама.

Затѣмъ мы поговорили кое-о-чемъ еще, и вдругъ господинъ меня спросилъ:—

— А какая была у вашей мамы фамилія, когда она еще не вышла за вашего папу замужъ?

Это-то ужъ я знала отлично и потому храбро отвѣтила:—

— Костромина!.. Когда мама была еще дѣвушкой, то ее звали Нина Александровна Костромина!

Господинъ подумалъ.

— Я знавалъ въ Малороссіи одну богатую помѣщицу тоже Костромину. Но та была— графиня Костромина. Важная такая барыня... Настоящая графиня... И тоже очень богата.

На томъ нашъ разговоръ и кончился. Господина скоро укачало, и онъ отправился къ себѣ въ каюту, а я пошла къ себѣ. По дорогѣ я встрѣтилась съ помощникомъ капитана.

— Вы здѣсь!? удивился онъ, увидѣвъ меня.— А я думалъ, что вы уже въ Севастополѣ, ушли на вокзалъ одна! Я васъ искалъ, искалъ... Просто сбился съ ногъ! Да какъ-же это могло случиться?

Я ему рассказала, какъ меня укачало и какъ я проспала нѣсколько часовъ подрядъ.

— Какая досада! проговорилъ онъ.— Какая досада! А я вѣдь такъ обѣщалъ вашей нянѣ усадить васъ въ вагонъ! Ну, дѣлать нечего! Дойдемъ ужъ до Одессы! Мы съ

васъ не возьмемъ ужъ за проѣздъ ничего, вы—маленькая!

И мы опять разстались. Я опять заснула и проснулась только тогда, когда мы были уже въ Одессѣ.

— Вставайте, Лиза! Пора! разбудилъ меня помощникъ капитана. — Ёдемте на вокзалъ! Скоро отходить поѣздъ!

Я быстро одѣлась и не прошло и получаса, какъ мы уже ѣхали на извозчикѣ на вокзалъ. Я была довольна. Мнѣ было пріятно, что я была въ городѣ, напоминавшемъ мнѣ Петроградъ, и мнѣ поскорѣе хотѣлось ѣхать туда, гдѣ для меня было еще роднѣе, чѣмъ здѣсь, гдѣ меня встрѣтитъ настоящая русская жизнь, гдѣ изъ окна вагона я увижу села и деревни, поля и лѣса, тихія рыбныя рѣки и гдѣ меня встрѣтятъ бѣлыя, свѣтлыя, задумчивыя, сѣверныя ночи.

Съ какимъ-то страннымъ чувствомъ мы прошли по вокзалу. Я достала изъ мѣшечка деньги и дала ихъ помощнику капитана. Онъ купилъ мнѣ билетъ.

— Я взялъ билетъ только до Кіева, сказалъ онъ, — а то до Петербурга дорого стоитъ и вы можете потерять его въ дорогѣ. Въ Кіевѣ поѣздъ будетъ стоять два часа — и вы успѣете взять себѣ билетъ далѣе! Только будьте осторожны!

Онъ усадилъ меня въ вагонъ, простился со мною, пожелалъ мнѣ

счастливаго пути и уѣхалъ. Какъ вдругъ пріѣхалъ на вокзалъ и тотъ господинъ, съ которымъ я разговаривала на пароходѣ. Увидѣвъ, что я сижу уже въ вагонѣ, онъ съ облегченіемъ глубоко вздохнулъ.

— Уфъ! сказалъ онъ. — А я уже думалъ, что съ вами опять что-нибудь случилось!

Онъ тоже пожелалъ мнѣ счастливаго пути и остался въ Одессѣ. Я отправилась въ путь одна. Мнѣ было пріятно, что обо мнѣ такъ заботились добрые люди, и съ чувствомъ дѣтской радости я уже позабыла обо всемъ и, высунувшись изъ окна, стала смотрѣть на мелькавшіе передо мной сады, поля, будки и проѣзжавшихъ мимо полотна желѣзной дороги равнодушныхъ воловъ. Теплый вѣтерокъ врывается ко мнѣ въ окно и обдувалъ мое лицо и мнѣ было хорошо и свободно и хотѣлось жить и не думать ни о чемъ.

День промелькнулъ, какъ въ сказкѣ, наступила ночь, я развернула свою постельку и легла спать. Никто меня не беспокоилъ, и я проспала до самаго утра.

— Не трожь ее! слышала я во снѣ голосъ моего сосѣда. — Пускай ее спать! Развѣ жъ ты не видишь, что она еще дитѣ и ѣдетъ одна!

И меня не трогалъ никто.

На другой день я пріѣхала въ Кіевъ. Здѣсь была пересадка и приходилось ждать на вокзалѣ цѣлые два часа. Боясь, какъ бы

кто-нибудь меня не обидѣлъ, я забралась въ уголокъ, сѣла на диванчикъ и стала ожидать, когда откроется касса и начнутъ продавать билеты.

На вокзалѣ было тихо, до поѣзда еще было долго. Стояли кучками артельщики и зѣвали, два или три раннихъ пассажира пили у накрытаго стола чай. Около шкафчика съ книгами сидѣла продавщица и ожидала покупателей. А затѣмъ народъ все сталъ прибывать и прибывать и въ вокзалѣ стало тѣсно и многолюдно. Я вынула изъ мѣшечка десять рублей и зажала ихъ въ кулакъ.

— Господа, пожалуйста билеты брать! слышался вдругъ голосъ стражника.

Я стала въ очередь. Я не знала, куда именно отходилъ первый поѣздъ и на какой именно поѣздъ всѣ эти люди брали билеты, и торопливо подвигались шагъ за шагомъ къ кассѣ.

Наконецъ дошла очередь и до меня. Я подала въ окошечко свои десять рублей и стала ожидать, когда кассиръ выдастъ мнѣ билетъ.

— Вамъ до Курска? спросилъ онъ.

Я не разобрала, о чемъ онъ меня спрашивалъ, и какъ-то нечаянно сказала „да“. Онъ выдалъ мнѣ билетъ и, не подозрѣвая ничего, я отправилась садиться въ вагонъ. А между тѣмъ этотъ по-

ѣздъ отходилъ вовсе не въ Петроградъ, а въ Курскъ и далѣе на Москву, такъ что я должна была ѣхать въ сторону, совсѣмъ по другому направленію. Какъ это случилось,—я не знаю и сама, къ тому же я и перестала соображать. Вчерашняя ночь на морѣ, когда меня всю обливало брызгами и промочило до костей, не прошла для меня даромъ. Я чувствовала, что мнѣ какъ-то было не по себѣ и что меня клонило прилечь, и едва сознавала, что происходило вокругъ меня. Раздался звонокъ, мимо меня опять замелькали телеграфные столбы и желѣзнодорожныя сторожки, потянулись поля и лѣса, но я уже утомилась и не обращала ни на что вниманія. Наступилъ затѣмъ вечеръ, я развернула свое одѣяльце, разоѣтлала его на лавку и легла. Стало холодно. Подъ поломъ гремѣли колеса, было темно и дерзко разрѣзали воздухъ искры, вылетавшія изъ паровозной трубы. Въ вагонѣ было пусто, и я была почти одна. Мнѣ хотѣлось пить. Я не ѣла съ самаго утра, да мнѣ и не хотѣлось ѣсть, и чувство какой-то тяжести въ головѣ мѣшало мнѣ заснуть. Горячее дыханіе жгло мнѣ верхнюю губу и по всему тѣлу разлилась ломота.

„Что это со мной?“ думала я.— „Неужели я простудилась?“

Я не могла спать, но то впадала въ забытѣе, то снова приходила

въ себя и, какъ мнѣ казалось самой, — бредила. Мимо меня тянулась прекрасная Малороссія съ ея бѣлыми хатками, вѣтрянными мельницами и высокими, пирамидальными тополями. Все было залито яркимъ луннымъ свѣтомъ, и я слышала, какъ около какой-то станціи громко пѣлъ соловей, и какъ говорили на малороссійскомъ языкѣ, но все это смѣшалось для меня въ какую-то общую массу и потянулось передо мной, какъ одинъ сплошной, однообразный туманъ. На одной изъ станцій вошелъ сѣднѣйкій благообразный старичекъ и занялъ мѣсто какъ разъ противъ меня. Онъ сталъ задавать мнѣ вопросы, спрашивалъ меня, куда я ѣду, откуда и зачѣмъ, изумлялся тому, что я ѣду вовсе не туда, куда слѣдовало-бы, и участливо прикладывалъ мнѣ руку ко лбу и озабоченно покачивалъ головой. На какой-то станціи онъ напоилъ меня чаемъ, снова уложилъ меня на лавку и укрылъ своимъ пледомъ.

— Бѣдная дѣвочка! шепталъ онъ.— Кажется, она заболѣла!

Затѣмъ поѣздъ остановился около какой-то очень большой станціи. Была уже полночь. Старичку нужно было выходить изъ вагона. Онъ постоялъ около меня нѣкоторое время, а потомъ рѣшительно тряхнулъ головой и ласково хлопалъ меня по плечу.

— Вставай, милочка! обратился

онъ ко мнѣ.— Мнѣ думается, что ты немножко устала и тебѣ слѣдовало бы отдохнуть. Гдѣ твои вещи? Это твой узелокъ?

Я послушно поднялась со скамьи, какъ машина собрала свои вещи и покорно послѣдовала за старичкомъ. Мы вошли въ вокзалъ съ большимъ буфетомъ, уставленнымъ блюдами и закусками, но мнѣ казалось, что отъ всего пахло жаренымъ лукомъ, и только хотѣлось пить, пить, пить...

— Сюда, сюда! ласково обратился ко мнѣ старичокъ.— Положи свои вещи сюда! Вотъ такъ!

Мы усѣлись за столомъ и мнѣ показалось, что огни отъ лампъ почему-то запрыгали у меня въ глазахъ.

Старичокъ кивнулъ человѣку, и тотъ подаль мнѣ сельтерской воды. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ я выпила эту воду! Старичокъ подливалъ мнѣ и говорилъ:

— Пей, пей! У тебя навѣрное, моя милочка, жарокъ! Это тебя прохладить!

Когда я напилась, онъ крикнулъ носильщика и что-то ему шепнулъ. Носильщикъ подошелъ ко мнѣ и взялъ меня на руки.

— Сюда, сюда! указывалъ ему старичокъ.— Неси ее, голубчикъ, сюда, къ выходу! Дѣвчурочка въ дорогѣ захворала, ну и того!.. Осторожнѣе! Спасибо тебѣ, любезный! Вотъ тебѣ на чай! Сейчасъ подадутъ экипажъ!..

И, когда мы вышли изъ вокзала, онъ громко крикнулъ въ темноту: — Григорій, подавай!

Послышался топотъ копытъ, и къ вокзалу подѣхалъ экипажъ, запряженный парю лошадей.

— Садись, милочка! обратился старичокъ ко мнѣ.— Носильщикъ, посади ее, голубчикъ, сюда! Вотъ такъ! Здравствуй, Григорій! Все дома благополучно?

— Такъ точно! отвѣтилъ кучерь.— Слава Тебѣ, Господи, здорovy всѣ!

Онъ хлопнулъ вожжами и, экипажъ покатился вдоль желѣзнодорожнаго полотна. Въ то же время и поѣздъ отошелъ отъ станціи и, мелькая огнями, промчался далѣе своей дорогой. Доѣхавъ до первой желѣзнодорожной будки, экипажъ переѣхалъ черезъ рельсы, свернулъ въ сторону и закачался по мягкой проселочной дорогѣ.

— „Куда онъ меня везетъ?“ — подумала я сквозь дремоту.

Но мнѣ было пріятно думать и сидѣть въ мягкомъ, удобномъ экипажѣ, и вся эта поѣздка казалась мнѣ страннымъ, но интереснымъ сномъ.

Послышался лай собакъ, замелькали сквозь деревья огоньки, и экипажъ подѣхалъ къ большому барскому дому съ колоннами и остановился у его крыльца. Пѣли кругомъ соловьи, кричали лягушки, и повсюду стоялъ густой аромать цвѣтовъ. Свѣтила полная луна, и

при ея свѣтѣ можно было разглядѣть и вѣковыя деревья, окружавшія домъ, и надворныя постройки и сверкавшую сбоку поверхность большого пруда.

— Пріѣхали!

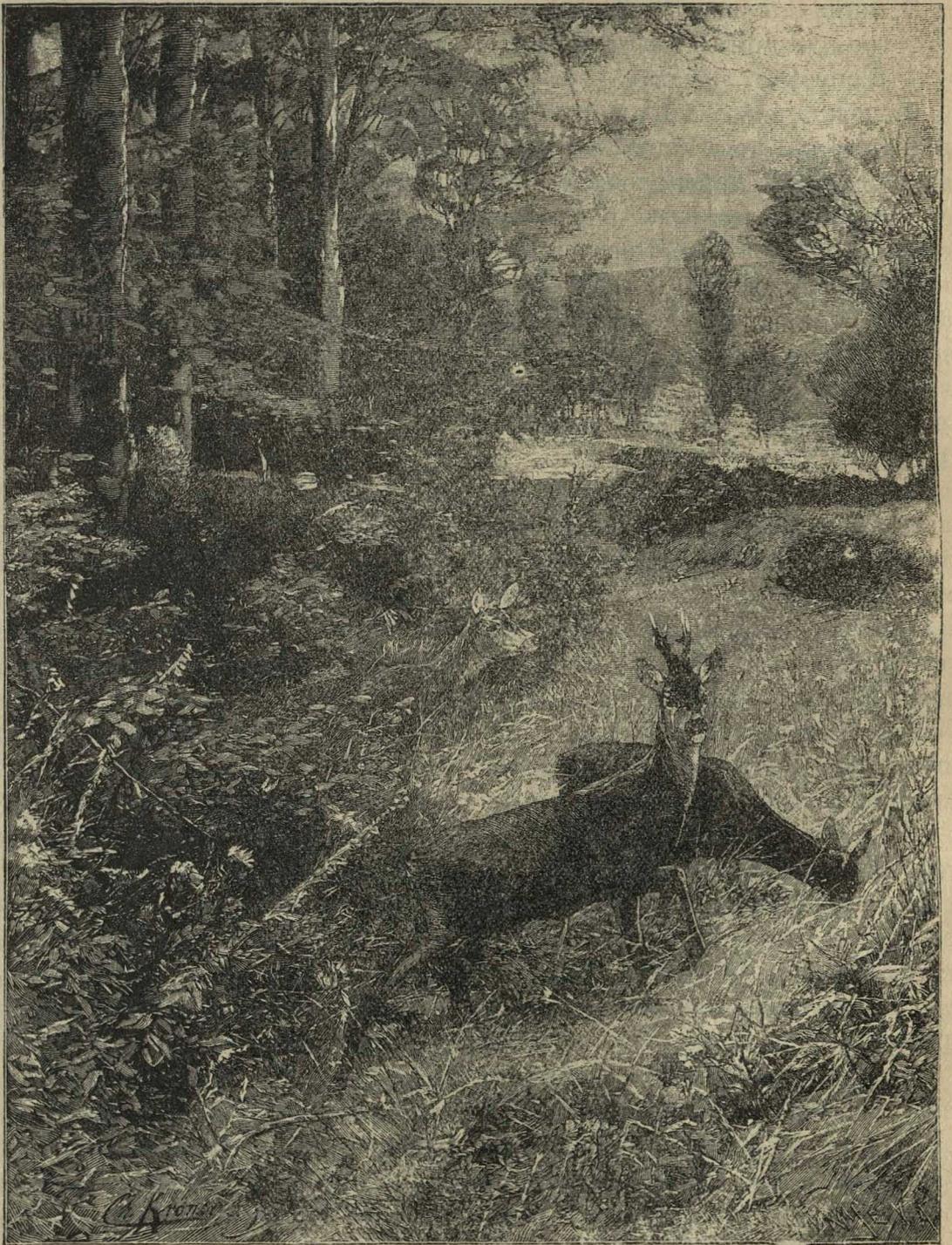
Старичокъ разбудилъ меня, свелъ меня съ экипажа и по ступенькамъ крыльца мы вошли въ домъ. Дѣвушка-прислуга, щурясь отъ свѣта лампы, которую она поставила на столикъ, стала насъ раздѣвать и вносить наши вещи, а затѣмъ старичокъ взялъ меня за руку и черезъ залу провелъ меня въ какую-то другую комнату, повидимому, кабинетъ. Онъ долго шарилъ впотьмахъ по столу и, напаривъ, наконецъ, спички, чиркнулъ одною изъ нихъ и зажегъ свѣчу. Я увидала у стѣны большой турецкій диванъ и нѣсколько мягкихъ кресель.

— Вотъ здѣсь! опять засуетился старичокъ.— Ты переночуешь, милочка, здѣсь, на этомъ диванѣ, а завтра, дастъ Богъ, будешь уже здорова! Присядь пока на кресло! Я принесу тебѣ подушку, одѣяло и простыню!

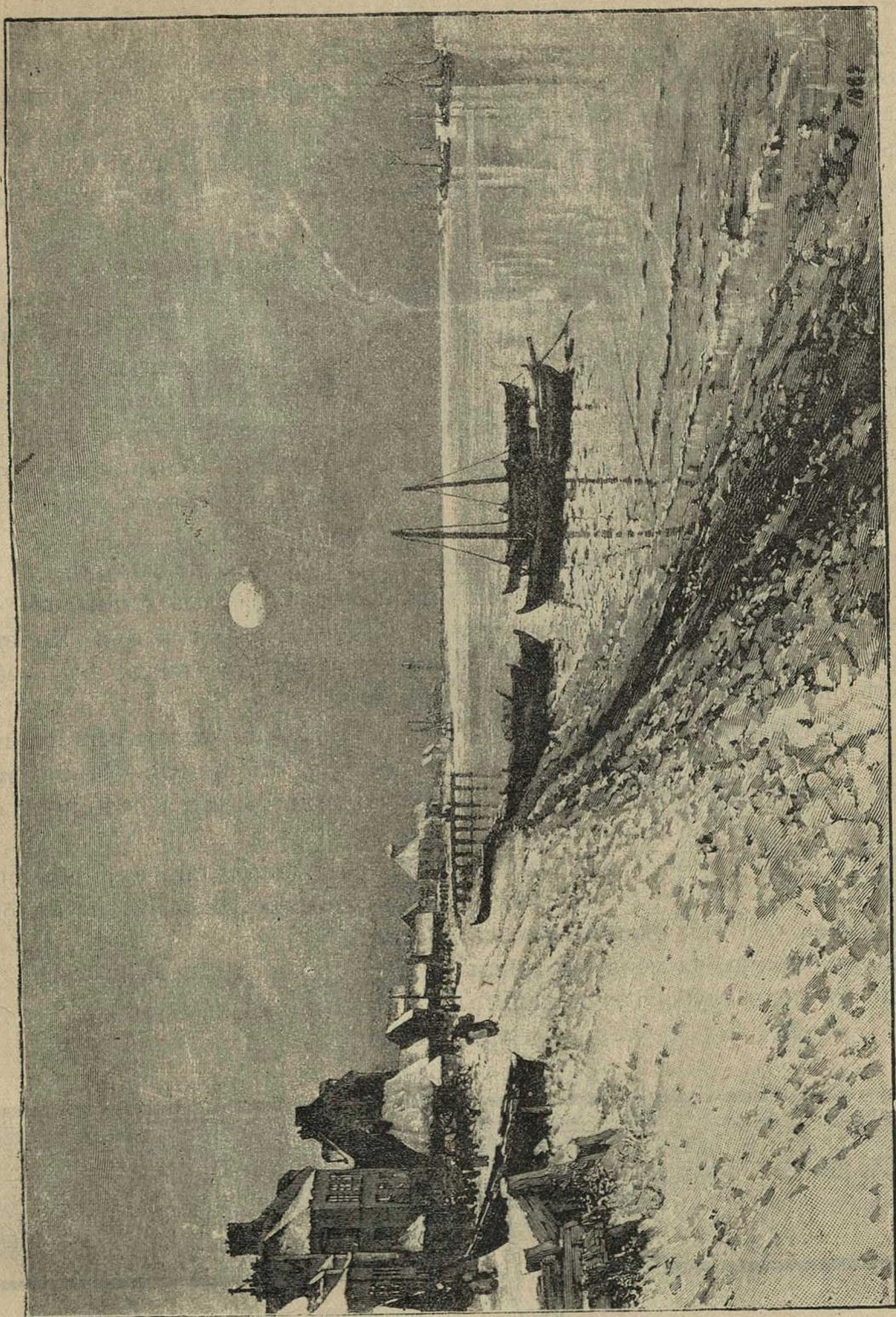
И онъ вышелъ изъ кабинета и скоро вмѣсто него вошла та же дѣвушка-прислуга и устроила для меня на диванѣ постель.

— Готово, панночка! сказала она.— Ложитесь спатки и спите себѣ на здоровье!

Я раздѣлась, легла и укрылась съ головой.

У лѣсной опушки.

Въ Финляндіи.

Когда я уже засыпала, то въ комнату тихонько отворилась дверь и вошли старичокъ, теперь уже въ халатъ и въ туфляхъ, и маленькая старушка въ бѣлой кофточкѣ и въ большомъ съ гофренными оборками, чепцѣ.

— Тссс!.. зашепталъ старичокъ.— Она спитъ!.. Не тронь ее пока... Поцѣлуй ее осторожененько въ лобикъ и поидемъ назадъ!

— Бѣдняжка! зашептала и старушка.— Должно быть, это сиротка... Помогите ей, Господи!

Она перекрестилась нѣсколько разъ и широкимъ крестомъ перекрестила и меня. Затѣмъ она отвернула съ моего лица кончикъ одѣяла, наклонилась надо мной и поцѣловала меня въ лобъ.

— Какая славненькая!.. сказала она.

Я повернулась къ стѣнкѣ.

— Тссс!.. снова зашепталъ старичекъ.— Не тронь ее! Пускай ее спитъ!..

Потомъ оба они сѣли въ кресла и долго, молча, на меня смотрѣли и по очереди глубоко вздыхали.

— Ну, что-жь? обратился наконецъ старичокъ къ старушкѣ.— Пора ужъ и спать?

— Да, пора! отвѣтила старушка.— Уже второй часъ... Поидемъ!

Они грузно поднялись съ кресель.

— Что новаго было безъ меня? продолжалъ старичекъ.

— Да такъ, ничего... отвѣчала старушка.— Все по старому! Говорятъ, графиня Костромина приѣхала къ Игнатьевымъ...

— Надолго?

— Не знаю... должно быть, за мальчикомъ, — какъ бишь его? — за Вячеславомъ, кажется! Хотеть взять его отъ нихъ къ себѣ обратно!

— Эхъ, бѣда, бѣда съ сиротами!.. вздохнулъ старичекъ.— И зачѣмъ только они рождаются, бѣдныя, на свѣтъ!

И, затушивъ свѣчку, оба они на цыпочкахъ вышли изъ кабинета.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕСНА ИДЕТЬ!

Ужъ капать стало... Хоть и вьюга
Иной разъ снѣжная пройдетъ,
А все-жъ тепломъ въ васъ вѣетъ
съ юга...

Весна идетъ, весна идетъ!

Ужъ побурѣли прудъ и рѣчка,
Ужъ слабымъ сталъ сквозистый
ледь.

И утромъ не горитъ ужъ свѣчка,
Свѣтло, свѣтло... Весна идетъ!

Кричатъ грачи, мычатъ коровы,
Пѣтухъ ужъ цѣлый день поетъ,
Идетъ весна, несетъ обнови,
Весна идетъ, весна идетъ!

Поютъ скворцы... А тамъ ужъ
слышно,
Что шелъ ужъ дождь, что выгнанъ
скотъ...

Идетъ весна, идетъ къ намъ пышно,
Весна идетъ, весна идетъ!

Кузнечикъ.

ГОВОРЯЩІЙ ОСЕЛЬ.

Одинъ добродушный крестьянинъ шелъ съ базара и велъ за собою своего осла. Пекло солнце, было жарко, крестьянинъ опустилъ голову и не замѣтилъ какъ два вора подошли къ нему сзади и стали обдумывать, какъ-бы имъ украсть этого осла. Но это сдѣлать было мудрено, такъ какъ крестьянинъ крѣпко держалъ въ рукахъ уздечку.

— Я придумалъ! вдругъ сказалъ одинъ изъ воровъ.—Осель будетъ нашъ!

И незамѣтно отъ крестьянина, онъ снялъ съ осла уздечку, просунулъ въ нее свою голову и послушно послѣдовалъ за крестьяниномъ. Другой-же воръ вскочилъ на осла и ускакалъ на немъ въ ближайшій лѣсъ.

Пройдя нѣсколько времени за крестьяниномъ, воръ, замѣнившій собою осла, вдругъ остановился. Привыкшій къ капризамъ своего осла, крестьянинъ дернулъ его за уздечку. Воръ притворно застоналъ. Тогда остановился и крестьянинъ и — о, удивленіе! увидалъ передъ собою человѣка, голова котораго была взнуздана его уздечкой.

— Кто ты? въ ужасѣ воскликнулъ крестьянинъ.

— Не бойся... отвѣтилъ воръ,— я твой осель.— Выслушай меня, добрый человѣкъ, и ты поймешь все.

Крестьянинъ въ удивленіи разинулъ ротъ и широко раскрылъ глаза.

— У меня была матушка, продолжалъ воръ; однажды я пришелъ домой изъ гостей въ нетрезвомъ видѣ и обидѣлъ ее. Она заплакала и сказала:—„Несчастный, ты позабылъ, что такое почтительный сынъ, и за это будешь наказанъ“. И она тотчасъ-же превратила меня въ осла. Черезъ нѣсколько дней ты меня купилъ у нея и вотъ я работаю на тебя. Вѣроятно, теперь моя матушка сжалилась надомной и сняла съ меня это волшебство и вотъ я опять превратился въ человѣка!..

Крестьянинъ выслушалъ его и вдругъ воскликнулъ:—

— Братъ мой, умоляю тебя, прости меня за то, что я тебя такъ больно билъ всѣ эти два года палкой! Я даже и не подозрѣвалъ, что ты человѣкъ.

И съ этими словами онъ снялъ съ головы вора уздечку и отпустилъ его на волю.

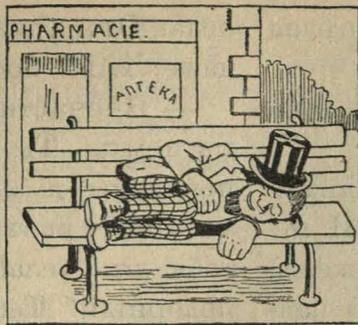
Прійдя домой, онъ сѣлъ у огня и сталъ о чемъ-то думать.

— Отчего ты такой печальный? спросила его жена.— Не случилось-ли чего-нибудь съ тобой въ пути? И гдѣ нашъ осель?

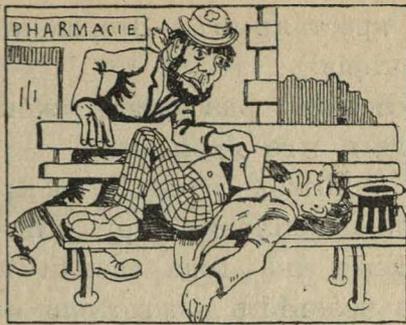
— Нашъ осель? переспросилъ

1. Англичанин Плум-Пуддингъ въ радостномъ настроеніи возвращался изъ гостей домой,—

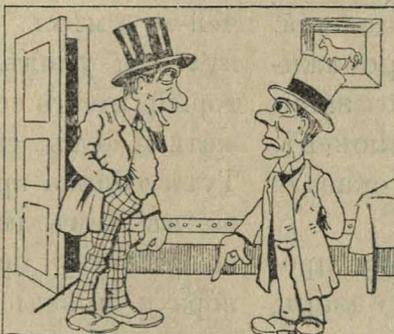
2. — но вскорѣ свалился и заснулъ на улицѣ сномъ праведника.

3. А жуликъ ужъ тутъ, какъ тутъ, и вытащилъ у Плум-Пуддингъ его бумажникъ.

4. Проснувшись и не найдя при себѣ своего бумажника, Плум-Пуддингъ отправился къ начальнику сыскной полициі сэру Ростбифу.

5.—Завтра же вашъ бумажникъ будетъ здѣсь! сказалъ ему Ростбифъ.—Мы найдемъ его.

6. И призвавъ къ себѣ сыщика Бифштекса, сэръ Ростбифъ сказалъ ему:—

7. — „Ты одѣнешься женщиной и возьмешь корзину.

8. — „я сяду въ эту корзину и...

9. „ты снесешь меня на ту самую скамью, гдѣ былъ обокраденъ Плум-Пуддингъ,—

10.тамъ ты притворишься, что спишь. Воръ обязательно придетъ туда воровать во второй разъ и я поймаю его!..

11. Такъ оно и случилось. Воръ подкрался къ сэру Бифштексу и укралъ его корзину.

12. Каково же было удивленіе вора, когда въ корзину оказался самъ начальникъ сыскной полициі!

ее крестьянинъ.—Это, жена, цѣлая исторія!

И онъ разсказалъ женѣ обо всемъ, что произошло.

— Какой грѣхъ! воскликнула она и всплеснула руками.—И мы цѣлые два года возили тяжести на человѣкѣ и колотили его палкой по спинѣ!

Долго еще крестьянинъ не могъ придти въ себя отъ удивленія. Все время онъ сталъ просиживать на порогѣ, ничѣмъ не занимался и все думалъ. Наконецъ, жена потеряла терпѣніе и сказала ему:—

— Такъ не можетъ дольше продолжаться; отправься на базаръ, купи тамъ себѣ новаго осла и начни опять работать!

Крестьянинъ послушался ее, отправился на базаръ и вдругъ увидѣлъ тамъ своего прежняго

осла. Отъ удивленія онъ не зналъ даже, какъ поступить.

— Несчастный! обратился онъ къ нему.—Ты опять принялся за пьянство и опять обидѣлъ свою матушку, разъ она снова обратила тебя въ осла! Нѣтъ, ужъ слуга покорный! Теперь ужъ я тебя не куплю!

Въ это время сбоку послышался чей-то смѣхъ. Крестьянинъ обернулся и увидѣлъ вдругъ вора, который не въ состояннн былъ удержаться отъ смѣха и прыснулъ. Тутъ только крестьянинъ догадался, въ чемъ дѣло. Онъ схватилъ за уздечку осла и за шиворотъ вора и повелъ ихъ обоихъ въ полицію. Затѣмъ дѣло перешло въ судъ. Судья разобралъ его, осла отдалъ крестьянину, а вора оставилъ у себя, чтобы его наказать.

Старый грачъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Изъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному слову и составить начало извѣстной басни.

1) По тѣнистымъ аллеямъ парка гуляли прохожіе.

2) Улицамъ нашего города даны новыя названія.

3) Дѣти были въ звѣринцѣ и видѣли тамъ слона и много другихъ звѣрей.

4) Собаку водили на цѣпи, потому что она была зла.

5) Какъ только пересталъ дождь, дѣти выбѣжали въ садъ.

6) Съ нашего балкона видно поле.

7) Книга лежала на полкѣ.

8) Картина была выставлена на показъ.

II.

Задуманное слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Буквы 6, 7, 5, 4—означаютъ время года; 3, 4, 5, 2—то, что замазывается на это время года почти на цѣлые пять мѣсяцевъ;

6, 4, 5, 2, 6, 1, 2—то, что употребляется при этомъ замазываніи; 1, 2, 3, 8, 7, 6, 9—то, что находится надъ замазываемымъ предметомъ.

Найти эти слова и задуманное слово, которое означаетъ фамилію знаменитаго русскаго историка и писателя.

III (шарада).

По слогу первому мы ходимъ въ
башмакахъ,
Его мы красимъ, моемъ и коврами
Стараемся укрыть на тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ намъ приходится ступать но-
гами.

Вторые-жъ два—найдете вы въ
рѣкахъ,
Особенно—въ прудахъ, заросшихъ
камышами.

Они совсѣмъ, какъ черная земля.
А вмѣстѣ все—есть часть рубля.

Что это?

Шарада ждетъ отвѣта.

IV.

Шуточный вопросъ: Почему въ
Россіи крестьяне сѣютъ именно
рожь, а не рисъ и не сахарный
тростникъ?

*Рѣшеніе головоломки и ребуса № 6, помѣ-
щенныхъ въ № 5, «Золотою Дѣтства».*

Головоломки: I. М-ыло, О-кно, С-таканъ,
К-ошка, В-орова, А-вгустъ=Москва. II. Сестра,
страна, оса, сосна, астра, сани, сирота=осе-
трина. III. Колоколь. IV. Въ овсѣ барабаны не
бьютъ никогда. V. За столами. VI. При стару-
хѣ не было никого и поэтому никто не могъ
узнать, какой сонъ ей приснился.

Ребусъ № 6. Б+осы+ми+нога+ми+дѣв+очки+
бр+ели+п+осель+усь+лу+кошка+ми+грибъ+
овъ=босыми ногами дѣвочки брели по седу съ
лукошками грибовъ.

*Вѣрные рѣшенія въ эти двѣ недѣли при-
слали:* Л. и О. Ильины, К. Кротовъ, В. Дабичъ,
III. Васильевъ, Е. Желиговскій, А. и С. Михай-
ловы, В. Львова, В. Давыдовъ, Ю. Гогель, С.

V.

Задуманы три слова:

1) То, что находится въ печахъ.

2) То, что мы видимъ въ де-
ревнѣ.

3) Музыкальный инструментъ.

Взять отъ cadaго изъ этихъ
словъ по первому слогу и соста-
вить изъ нихъ новое слово, кото-
рое означаетъ часть нашей одежды.

Какія слова задуманы и какое
это новое слово?

VI.

Крестьянинъ пошелъ изъ своей
деревни въ городъ. Онъ прошелъ
десять верстъ и еще половину
своего пути и благополучно при-
былъ въ городъ.

Сколько верстъ было отъ де-
ревни до города?

VII.

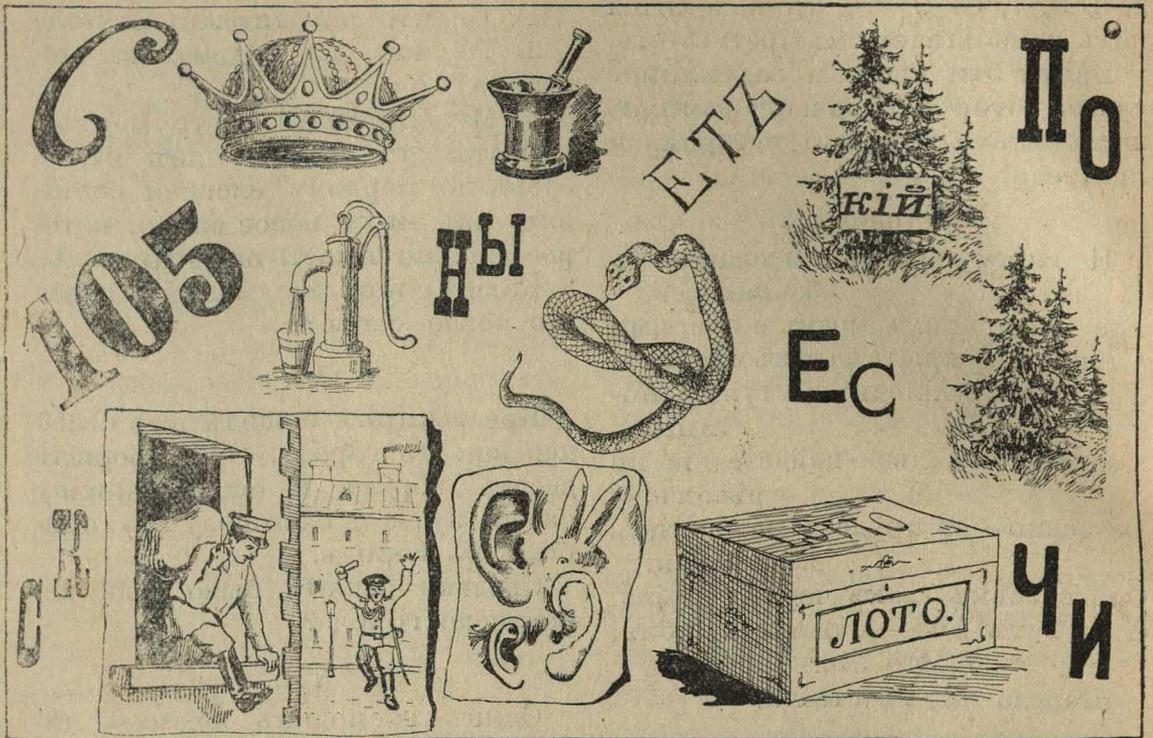
Одинъ господинъ подвелъ дѣ-
тей къ портрету и сказалъ имъ:

— Здѣсь нарисованъ родной
сынъ моего же отца, но только
онъ мнѣ вовсе не братъ.

Чей это былъ портретъ?

Кегрессъ, М. Остапешскій, Н. Шеметилло, А.
Русинъ, Г. Герасимова, В. Цвѣтковъ, В. Фо-
кинъ, А. Шабельская, Д. Благовѣщенскій съ
сестрой, Ж. и С. Маевы, А. и С. Шатовы, Б.
Коппель, А. Дерябкинъ, Жоржикъ изъ Г-форса,
Н. и И. Фаиковы, Л. Кубовецъ, П. Григорьевъ,
А. Арбузова, А. Кешнеръ, З. Ведехина, У. и Р.
Будиловскіе, С. Людницкая, С. и А. Мирима-
новы, Н. Губаръ, С. Лубенцовъ, М. Колюба-
кина, Л. Мазель, Ю. и И. Карташевскіе, Л. М.,
В. и С. Плотвиновы, Е. Кисинъ, А. Трубинъ,
В. Нарциссовъ, В. Джонсонъ, В. Павловъ, Ж.
Цепелинскій, Л. Дложевская, В. Иванова, В.
Серебренниковъ, Идочка Г., Гришутикъ и Ок-
саночка, С. Прага, М. и А. Адливанкины, В. и
К. Рыбалко, М. Б. Айвазовы, Н. Григорьева,
Г. Бражникова, Л. и В. Васильевы, Н. Трофи-
мовъ, К. Соболева. Коко Орловъ, Игорь Кр.—

Ребусъ № 8.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Н. Маттесъ, Н. Ж. и Л. Ивановы, И. Кузмицкій, Стрекоза, С. Митинъ, Ш. Кирьякова, В. Германъ, Сережа и Витя, А. Никитинъ, Г. Энденбергъ, В. Пепескуль, М. Тихомірова, С. Алашевъ, А. Афанасьева, М. Грефъ, Г. Кондратенко, Г. Иванова, Жена и Ваня, В. Бересневъ, Т. Евстратикъ, А. и Э. Радазевскіе, Н. Каплунова, Н. Кравченко, В. и В. Холины, Л. Мошкинъ,

С. и В. Петровы, М. Родіонова, Г. Добрецовъ, Б. и А. Нольде, Г. Грюнервальдъ, Б. и П. Голубевы, Н. Бирилева, В. Машарскій, Г. Чаплинъ, Б. и В. Праудины, А. Шалимовъ, Л. Михайлова, М. Арди и Марга, В. Федотова, Г. Фокинъ, Боба Орловъ, С. Вѣляевъ, Л. Керстенъ, П. Становой, В. Орловъ, З. Аре, Т. Мозаихинъ, Г. и Т. Крупышевы.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Дожка“.
2. „Найдемышъ и подкидышъ“.
3. „Англійскія сказки“.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровский просп., 26.

По независящимъ отъ Редакціи обстоятельствамъ военнаго времени бумажныя фабрики затрудняются изготовлять бѣлую бумагу за недостаткомъ необходимыхъ химическихъ веществъ. Поэтому «Золотое Дѣтство» по необходимости печатается на такой бумагѣ, какъ эта. Редакція приобрѣла бумагу впередъ на ЦѢЛЫЙ ГОДЪ и обезпечена ею вполне.

Годъ девятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1915—1916 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады, и проч. и проч.

Въ каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ во учебныя библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.